

ПРОЛОГ

Рукопись, с которой вы сейчас познакомитесь, представил мне доктор Гесселиус. Он сопровождал ее пространным комментарием, в котором ссылается на свой трактат, посвященный весьма необычным явлениям. Данный труд войдет в один из томов собрания сочинений этого выдающегося ученого.

Доктор Гесселиус, со свойственной ему остротой ума и проницательностью, рассматривает упомянутые таинственные явления тщательно и разносторонне. Однако я решил опубликовать этот манускрипт всего лишь для развлечения заинтересованной публики и потому не стану забегать вперед и предвосхищать события, описанные их невольной свидетельницей, женщиной весьма рассудительной; по зрелом размышлении я также решил не предварять ее рассказ выдержками из сочинений высокоученого доктора, который полагает, что предмет настоящего изложения «затрагивает глубочайшие тайны бытия, а именно его двойственность и соответствующие промежуточные состояния».

Прочитав этот рассказ, я поспешил возобновить переписку с его автором, начатую доктором Гесселиусом много лет назад. К моему большому сожалению, оказалось, что дама, изложившая эту историю, недавно скончалась.

Однако вряд ли эта достойная леди могла бы добавить что-нибудь существенное к собственному рассказу, представленному здесь на суд читателя. Таинственные события, происшедшие с нею, описаны во всех подробностях и на редкость добросовестно.

ГЛАВА I

УЖАС МОЕГО ДЕТСТВА

Много лет назад моя семья, не отличавшаяся ни громким именем, ни значительным состоянием, владела в Штирии небольшим замком, которые здесь называются «шлосс». В этой части света даже скромный доход позволяет своему обладателю жить на широкую ногу. Вряд ли у нас на родине мы считались бы людьми обеспеченными, однако здесь, получая восемь-девять сотен в год, наша семья не нуждалась ни в чем. Мой отец — англичанин, но я, хоть и ношу английское имя, никогда не бывала в Британии. Я была довольна своей простой размеренной жизнью и полагала, что все богатства мира не могли бы сделать ее роскошнее.

Мой отец состоял на австрийской службе, затем вышел в отставку и на доходы от родового поместья купил феодальный замок вместе с небольшим поместьем, на котором он стоит.

Трудно представить себе место более уединенное и живописное. Замок стоит на невысоком холме посреди леса. Со всех сторон его окружает ров, густо

заросший белыми кувшинками. В прозрачной воде весело плещутся окуни, величаво плавают лебеди. Мимо подвесного моста, который на моей памяти ни разу не поднимался, вьется старинная узкая дорога. Перед воротами замка лес расступается, образуя уютную поляну. На правом краю ее, у самой опушки, журчит извилистый ручеек, убегающий в тенистую чашу леса. Через него перекинут горбатый мостик в готическом стиле.

Наш средневековый шлосс с фасадом, усеянным множеством окон, с причудливыми башенками и готической часовней отнюдь не нарушает спокойной красоты этих мест.

Я уже говорила, что замок наш расположен очень уединенно. Судите сами. Если смотреть из парадных дверей, то непроходимый лес тянется по правую руку на пятнадцать миль, а по левую — на двенадцать. До ближайшей обитаемой деревни около семи английских миль. Ближайший населенный шлосс, также довольно древний, принадлежит старому генералу Шпильсдорфу. До него около двадцати миль в противоположную сторону.

Я не случайно сказала «ближайшая ОБИТАЕМАЯ деревня». Неподалеку от замка, всего в трех милях западнее, то есть в направлении к шлоссу генерала Шпильсдорфа, стоит еще одна деревня, покинутая и разрушенная. Посреди нее возвышается причудливая древняя церковь с давно обрушившейся крышей. В проходе этой церкви можно разгля-

деть почти сровнявшиеся с землей древние могилы. Здесь похоронены члены старинного знатного рода Карнштайнов, ныне пресекшегося. Это семейство когда-то владело замком, столь же уединенным, как и наш. Развалины его и поныне гордо возвышаются над чащей непроходимого леса.

Существует старинная легенда, объясняющая, почему жители покинули это печальное место. Я расскажу ее немного позже.

А теперь попробуйте представить себе, сколь малочисленно было общество обитателей нашего замка. Я не включаю сюда слуг и работников, что занимали комнаты в домиках, примыкавших к наружной стене шлосса. Слушайте и удивляйтесь! В замке жил мой отец, добрейший человек на свете, однако годы его, к сожалению, уже начали брать свое; и я — к началу описываемых событий мне исполнилось девятнадцать. С тех пор минуло восемь лет. Мы с отцом и составляли всю семью владельцев замка. Мать моя, родом из Штирии, умерла, когда я была совсем маленькой девочкой; меня воспитала гувернантка, женщина веселая и добродушная, находившаяся при мне неотлучно с самого раннего детства. Я не могу припомнить дня, чтобы над моей кроваткой не склонялось ее улыбчивое круглое лицо. Звали ее мадам Перродон. Своей заботой и добрым нравом она отчасти заменила мне мать, которая умерла так рано, что я почти ее не помню. Четвертой за нашим обеденным столом была ма-

демуазель де Лафонтен, служившая у нас, как говорится в Англии, «домашней учительницей». Она говорила по-французски и по-немецки, мадам Перродон, уроженка Берна, — по-французски и немного по-английски; если добавить сюда наш с отцом английский, на котором мы говорили отчасти для того, чтобы не забыть его совсем, отчасти — из патриотических побуждений, то можно себе представить, какое вавилонское смешение языков звучало у нас за обеденным столом. Гости посмеивались над нашим разноязыким говором; в своем рассказе я не стану и пытаться воспроизвести его. Время от времени нас посещали две-три юные леди приблизительно одних со мной лет; иногда я наносила им ответные визиты.

Таким было наше обычное светское общество; случалось, конечно, что к нам наезжали с визитами соседи, живущие «неподалеку», всего лигах в пяти-шести. Так что, можете поверить, временами мне бывало очень одиноко.

Гувернантки мои, как вы сами догадываетесь, имели надо мной ровно столько власти, сколько могут иметь благоразумные особы над избалованной девчонкой, вдовствующий отец которой позволяет практически все, что ей заблагорассудится.

Первое яркое воспоминание, так и не изгладившееся из моей памяти, связано с ужасным происшествием, поразившим меня до глубины души. Кое-кто, может быть, посчитает этот случай настолько

незначительным, что не стоило бы и упоминать о нем здесь. Однако вскоре вы поймете, почему я об этом рассказываю. Комнату мою называли детской, хотя занимала ее я одна; эта просторная зала располагалась на верхнем этаже замка, под наклонной дубовой крышей. Однажды, когда мне было лет шесть, я проснулась среди ночи и, сидя на кровати, оглядела комнату; нигде не было ни нянюшки моей, ни горничной. Мне стало очень одиноко, но я не испугалась; я была из тех счастливых детей, которым не забивали голову ни страшными сказками, ни историями о привидениях, ни прочей ерундой, из-за которой несчастные дети прячутся под подушку, едва скрипнет дверь или гаснущая свеча отбросит на стену причудливую пляшущую тень. Я не испугалась, но решила, что про меня все забыли; я обиделась и захныкала, готовясь зареветь во весь голос. Тут я, к своему удивлению, заметила, что у кровати стоит молодая леди, очень привлекательная, и смотрит на меня без улыбки, но не сердито. Она стояла на коленях, руки ее были прикрыты одеялом. Она мне понравилась, и я перестала хныкать. Руки ее ласкали меня; она легла на кровать, улыбнулась и обняла меня. Мне стало очень хорошо, я успокоилась и тотчас заснула. Проснулась я от резкой боли: мне почудилось, что в грудь вонзились две острые иголки. Я громко вскрикнула. Незнакомая леди отскочила, не сводя с меня глаз, и соскользнула на пол. Мне показалось, что она спряталась под кроватью.

Только тут я по-настоящему испугалась и завопила что есть мочи. На крик сбежались служанки, нянюшка, экономка. Выслушав мой сбивчивый рассказ, они не отнеслись к нему всерьез и принялись, как умели, меня успокаивать. Но я, хоть и была ребенком, все же заметила, что они встревожились и побледнели. Служанки бросились обыскивать комнату: шарили под кроватью, заглядывали под столы, открывали шкафы. Я услышала, как экономка шепнула нянюшке: «Пощупай эту вмятину на постели: как пить дать, тут кто-то лежал. Простыня до сих пор теплая».

Горничная погладила меня по голове; нянюшки внимательно осмотрели мою грудь, там, где я почувствовала уколы, и в один голос заявили, что на коже не осталось никаких следов.

Экономка и две горничные просидели со мной до утра. С того дня и до четырнадцати лет со мной в детской обязательно оставалась на ночь одна из служанок.

После этого происшествия нервы мои долго пошаливали. Ко мне позвали доктора, очень старого и бледного. Хорошо помню его длинное угрюмое лицо, тронутое оспой, пышный каштановый парик. Он приходил ко мне через день и давал лекарство, которое я, разумеется, терпеть не могла.

Наутро я места себе не находила от страха, даже при свете дня боялась хоть на миг остаться одна.

Помню, как в детскую зашел отец; он стоял возле кровати и ласково разговаривал со мной. Потом он задал несколько вопросов нянюшке и от души рассмеялся над каким-то из ее ответов. Он похлопал меня по плечу, поцеловал и велел ничего не бояться: это всего лишь сон, со мной не случилось ничего дурного.

Но меня это не утешило: я-то знала, что визит странной дамы — не сон.

Горничная пыталась уверять меня, что это она заходила в детскую, смотрела на меня и прилегла рядом; должно быть, я в полусне не узнала ее лица. Ей вторила и нянюшка, однако меня эти объяснения до конца не убедили.

В тот же день приехал старый священник в черной сутане. Он вошел в комнату в сопровождении нянюшки и экономки, задал им несколько вопросов и очень ласково поговорил со мной. Лицо у него было доброе и спокойное. Он сказал, что мы будем вместе молиться, соединил мои руки и велел тихо повторять: «Господи, услышь наши молитвы, Христа ради». Думаю, я точно запомнила эти слова, потому что часто твердила их про себя, а нянюшка долгие годы учила меня заканчивать ими молитвы.

Хорошо помню доброе задумчивое лицо седовласого священника в черной сутане. Он стоял посреди мрачной полутемной комнаты на чердаке, обставленной неуклюжей мебелью по моде трехсотлетней давности. Через зарешеченное окно едва пробивал-